

УДК 93/94

Г.Н. Алишина

**РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917 гг.):
В ПОИСКАХ «ВНУТРЕННЕГО ВРАГА»**

Первая мировая война стала испытанием для населения Российской империи. В это время в обществе наблюдается рост ксенофобии. Поиск «врагов внутри страны» привел к обострению «национального вопроса». Некоторые национальные меньшинства, проживавшие в России, были заподозрены в нелояльности. В первую очередь, это коснулось иностранцев, состоящих в подданстве стран Тройственного союза. В число «подозреваемых» попали и российские немцы. Однако антигерманские мероприятия властей затронули не только эти категории жителей страны. От них пострадали и другие этнические сообщества (эстонцы, латыши и др.). Все это привело к обострению национальных противоречий в Российском государстве.

Ключевые слова: *внутренний враг, ксенофобия, Первая мировая война.*

Участие Российской империи в Первой мировой войне стало тяжелым испытанием для населения страны. Тяготы военного времени, вести о неудачах и поражениях, бесчисленные жертвы – все это удручающе действовало на общество, порождая массовые страхи и мании. Практически сразу с момента вступления России в войну начался поиск «чужих», «врагов», «предателей» внутри страны. Шовинистически настроенная пресса фонтанировала заметками о злоумышленниках на фронте и в тылу. Власти принимали решения об ограничении прав и возможностей отдельных сообществ и корпораций. И без того злободневный для страны «национальный вопрос» еще более усложнился. В этой связи крайне важно определить, кого видели в роли «внутреннего врага» и почему именно эти люди вызывали у властей и общественности подозрения. Это позволит оценить характер и степень национальных противоречий в Российской империи накануне ее распада, понять позицию отдельных национальных меньшинств и окраин в событиях, произошедших в стране после Февраля 1917 г.

Первыми «приступ ксенофобии» ощутили на себе подданные воюющих с Россией держав, то есть лица, находившиеся в германском, австрийском или турецком подданстве и оказавшиеся на момент начала боевых действий на территории Российской империи. На фоне красочно описываемых в прессе «германских зверств» [1. 29, 30 июля; 2. 4 сент. и др.] была проведена целая кампания по исключению их из различных организаций и объединений: страховых обществ [1. 11 сент.], Московского архитектурного общества и кружка правильной охоты [1. 20 сент.], Российской экспортной палаты [1. 21 сент.], общества любителей верховой езды [1. 2 окт.] и проч. Даже

«учащихся германских и австрийских подданных» было предписано увольнять из учебных заведений [2. 4 сент.]. Эта акция затронула как столичные города, так и провинциальные центры. Например, в Томске в то же время было «постановлено исключить из состава биржевых комитетов лиц, принадлежащих к германскому или австрийскому подданству» [3. 14 сент.]. Особо пристальное внимание уделялось мужчинам призывного возраста, как потенциальным участникам боевых действий на стороне врага, и, прежде всего, кадровым военным. Известен казусный случай, произошедший с лейтенантом германской армии, который еще в феврале 1914 г. прибыл на Алтай, чтобы охотиться на медведей. Уже 13 августа в местной прессе появилось сообщение о том, что он доставлен в полицию в г. Бийске [3. 13 авг.]. Еще одним направлением в борьбе с проникновением врага внутрь России стало наступление на предпринимательскую деятельность, которую вели германские и австрийские подданные на территории страны. Со страниц газет доносились призывы к «бойкоту немецкого производства» [1. 14 окт.]. На некоторые немецкие предприятия был наложен секвестр, как это произошло с Обществом электрического освещения [1. 29 окт.].

Перечисленные меры российских властей по отношению к подданным вражеских держав не носили исключительного характера. Подобная практика была широко распространена во многих странах и являлась в какой-то степени нормой для воюющего государства. Следует также отметить, что активными проводниками такой политики были не только представители власти, но и негосударственные структуры. Например, наиболее рьяным борцом с засильем «зловредных немцев» в Москве было Московское купеческое общество [4.

С.855], которым, впрочем, двигал не только патриотизм, но и коммерческий интерес. Недаром во время обсуждения на собрании общества «немецкого засилья» был поднят вопрос о приближении срока выборки промысловых свидетельств на будущий год [2. 11 окт.]. Иностранцы предприниматели были серьезными конкурентами русским купцам, отчего последним было на руку любое ограничение предпринимательской деятельности «чужаков».

Однако на этом поиски «враждебных элементов» внутри страны не прекратились. Помимо иностранцев подпали под это определение и некоторые российские подданные. В первую очередь это коснулось немцев, давно проживавших в России, но в силу своего происхождения вызывавших подозрения и недоверие к себе. Борьба с «внутренним немцем» велась в нескольких ключевых направлениях (промышленность, торговля, землевладение, язык, образование и проч.). В 1914 г. в масштабах всей страны была начата кампания по переименованию населенных пунктов с немецкими названиями, в результате чего в августе этого года Петербург стал Петроградом. В 1915 г. вышли в свет сразу два «ликвидационных закона», направленных на ограничение землевладения не только иностранных, но и российских подданных немецкого происхождения. Был даже создан Особый Комитет по борьбе с немецким засильем, положение о котором было Высочайше утверждено 1 июня 1916 г. [5. Л. 2об.]. В июле 1916 г. появилось положение Совета Министров «о воспрещении повсеместно в Империи преподавания на немецком языке во всех учебных заведениях, а также на богословском факультете Императорского Юрьевского университета» [5. Л. 9]. Практиковалась даже депортация подданных воюющих с Россией держав и лиц немецкого происхождения из прифронтовой зоны на восток страны. В основном это коснулось так называемых волыньских немцев [6. С. 228–229].

Активную информационную борьбу с засильем немцев в России вела шовинистически настроенная общественность. Радикальная пресса не скупилась в выражениях, обвиняя немцев, состоящих как в германском, так и в российском подданстве, в предательстве, преследовании интересов воюющих с Россией держав, неискренней лояльности и проч. В доказательство приводились примеры, когда немцы, состоящие в русском подданстве и имеющие земельные владения в России, оказывались в составе германской армии [1. 5 нояб.], радушно встречали германские войска [7. 2 мая], и даже напугавший случай предательства

со стороны Мясоедова был объяснен тем, что он «сын немца» [7. 14 апр.]. Муслировались слухи о шпионской деятельности немецких колонистов в пользу Германии [7. 2 мая.], которые вылились в шпиономанию. Частыми были «свидетельства очевидцев» о многочисленных германских аэропланах-разведчиках, которые приземлялись в немецких колониях России, причем не только в прифронтовой полосе, но даже на территории Сибири [8. Л. 1]. В результате население стало проявлять по отношению ко всему немецкому не только настороженность, но даже агрессию. На волне этих настроений в Москве и Петрограде имели место антинемецкие погромы [6. С. 225], были случаи, когда людей, разговаривающих на улице по-немецки, бдительные граждане доставляли в полицейские участки [1. 11 сент.], адвокат отказывался от защиты интересов немецкого доверителя [1. 14 сент.], студенты бойкотировали лекции профессоров немецкого происхождения, как это произошло в Петроградском университете [1. 8 дек.], и т.д. Ксенофобия как болезнь распознана по обществу и, в конце концов, затронула тех, кто прямого отношения к странам Тройственного союза не имел.

Это отчетливо прослеживается при изучении отношения российских властей и части общественности к некоторым конфессиональным группам неправославного толка. Они также были обвинены в нелояльности. В немилость, наряду с прочими, попали и евангелические лютеране. Лютеранская церковь характеризовалась местными властями как особо опасная организация, преследовавшая узконациональные интересы [9. Л. 8–9]. Это было вызвано тем, что в числе приверженцев этого вероисповедания было немало германских подданных и российских немцев. Данного факта было достаточно, чтобы начать притеснения в отношении всех лютеран на территории России, несмотря на то, что в их число входили и представители иных национальностей (эстонцы, латыши и др.). Последние в равной степени с немцами ощущали на себе меры, направленные против лютеранской церкви в России.

Строго говоря, притеснения лютеран и близких им христианских вероисповеданий имели место и до начала Первой мировой войны. В частности, в нарушение закона от 17 апреля 1905 г. о свободе перехода из православия в какое-либо другое христианское вероисповедание лиц, воспользовавшихся этой свободой, зачастую лишали должности, прав на приобретения участков земли и проч. На длительные сроки задерживалась регистрация неправославных христианских общин, не

разрешались молитвенные и богослужбные собрания [10. Л. 3], административными мерами стеснялась деятельность проповедников. Однако с началом войны подобного рода притеснения усилились до крайности и перешли в преследования, «напоминающие былое время Победоносцева» [10. Л. 4].

В столь сложных политических условиях для лютеран было крайне важно продемонстрировать свою лояльность. Почти сразу же после объявления войны в лютеранских церквях были отслужены молебствия «о здравии Государя Императора и всего Царствующего Дома и о даровании победы русскому воинству» [2. 6 нояб.]. Это касалось как столичных церквей, например евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра в Петербурге [1. 30 июля], так и провинциальных, например кирхи Св. Марии в Томске [11. С. 69]. В отчете Евангелическо-Лютеранской Генеральной Консistorии о положении церковных дел даже говорилось, что «серьезность военного времени привлекла приходы на богослужения и наполнила церкви молящимися» [12. Л. 335об.–336], а «торжественные молебны по возникновению войны, увеличение числа богослужений для отправляющихся на войну воинов, освященный словами Божиими патриотизм, воссоединенная в серьезной вере преданность Царю и отечеству воодушевляли наши приходы» [12. Л. 336]. Были и другие попытки оказать посильную помощь российской армии в военные годы. Например, накануне Рождества в конце 1915 г. благотворительное общество дам-лютеранок г. Томска отправило в действующую армию «70 рождественских подарков (белье, рукавицы, чай, сахар, табак и проч.) на сумму около 300 р.» [13. 17 дек.].

Невзирая на подобные поступки, демонстрировавшие лояльность лютеран и их преданность России, власти отнеслись к ним с явной долей подозрительности и приняли меры по ограничению их религиозной деятельности. Уже в ноябре 1914 г. вышло постановление министра внутренних дел о закрытии евангелических обществ юношей и молодых людей и союза этих обществ в России [14. Л. 31]. Из-за подозрений в помощи воюющим с Россией державам в декабре 1914 г. лютеранским приходом воспретили производить «какие бы то ни было сборы на потребности заграничных миссий» [3. 30 дек.]. По причине этих же подозрений, как сообщалось в газете «Голос Руси» от 26 мая 1916 г., было обращено внимание на «ненормальное положение евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра в Петрограде» [12. Л. 356]. В частности, указывалось, что «при церк-

ви существует вспомогательная касса, которая по уставу имеет целью оказывать материальную поддержку евангелическо-лютеранским приходам в Империи и духовенству их. На собираемые кассою в России крупные средства содержатся в Германии ряд стипендиатов кассы. Правда, многие из этих стипендиатов по окончании образования получают места пасторов евангелическо-лютеранских церквей в Империи. Но непонятным остается, для каких целей на русские деньги в Германии воспитывается остальная пользующаяся поддержкой кассы молодежь?» [12. Л. 356]. Эти подозрения привели к тому, что МВД был поставлен вопрос об упорядочении дел этой церкви и об установлении правительственного контроля над деятельностью учрежденной при ней кассы.

Особый недостаток в годы Первой мировой войны лютеранские общины испытывали в информации и снабжении духовной литературой. Дело усугублялось прекращением выпуска периодических изданий Евангелическо-лютеранской церкви. Кроме того, рост антинемецких настроений в годы войны серьезно затрагивал лютеранские приходы, особенно в крупных городах. Так, в мае 1915 г. в Москве антинемецкие выступления закончились погромом, в результате которого был причинен большой материальный ущерб евангелическо-лютеранскому приходу Св. Михаила [15. Л. 8]. В целом наибольший прессинг в отношении лютеран и близких им христианских вероисповеданий исходил от военных властей, которые обвиняли неправославных христиан в германизме и антимиитаризме [10. Л. 1].

Последнее обвинение чаще всего звучало в адрес меннонитов, крайне раздражавших представителей власти и шовинистически настроенную общественность своим принципиальным пацифизмом [16. 20 марта]. Если затронуть этнический состав этой этноконфессиональной группы, то ее сторонники хоть и пришли в Россию вместе с немецкими колонистами из различных германских земель, были выходцами из Голландии и немцами по своему происхождению не являлись. Серьезным гонениям подверглись также евангельские христиане и баптисты. Вывод об их «германизме» был сделан на том основании, что религиозные взгляды представителей данных течений берут свое начало в немецком протестантизме [10. Л. 17–21]. В этническом отношении евангельские христиане и баптисты были довольно неоднородны, в основном русские и украинцы. Немцы среди них были, но явно не в большинстве. Из приведенных примеров видно, что от антинемецких настроений в российском обществе страдали не

только немцы, но и представители других национальностей: эстонцы, латыши, лица голландского происхождения и др.

Подтверждением того, что к числу «подозрительных и потенциально враждебных элементов» могли отнести не только лиц германского подданства или немецкого происхождения, но и ряд других национальных меньшинств, служит переписка начальника Алтайского округа с подчиненными ему лесничими. Началась эта переписка с того, что 20 ноября 1914 г. в газете «Новое время» появилась публикация о том, что лучшие земли в Барнаульском уезде захвачены немцами. Уже через два дня в Барнаул из Петрограда поступила телеграмма с указанием выяснить, насколько данные сведения достоверны [16. Л. 1]. В скором времени по всем лесничествам округа были разсланы телеграммы, в которых предписывалось собрать сведения о нескольких категориях арендаторов земель, а именно: немцах – иностранных подданных, немцах – русских подданных, эстонцах и латышах. Круг выясняемых вопросов был следующим: 1) сколько таких семей проживает в пределах лесничества; 2) имя, отчество и фамилия каждого арендатора; 3) для какой цели ими арендуется земля, какая форма аренды, если это товарищество, артель или единоличная аренда; 4) какая указанная лицами арендуется площадь, качество последней и когда с арендаторами заключены договоры и на какой срок [16. Л. 7].

В данном случае внимания заслуживает состав лиц, о которых по инициативе начальства Алтайского округа собиралась информация. Туда попали не только германские подданные и лица немецкого происхождения, но и представители иных национальностей – эстонцы и латыши, которых, по всей видимости, также относили к предположительно нелояльному и потенциально опасному контингенту. Примечательно, что в ответе на этот запрос, полученном из Локтевского лесничества, были упомянуты даже двое датских подданных, арендующих первый одну, а второй 18 десятин земли под мельницу и усадьбу соответственно [16. Л. 19], хотя Дания в Первой мировой войне придерживалась политики нейтралитета. Из приведенного примера следует, что, по мнению сибирских чиновников, угрозу мог представлять любой «европеец», независимо от его подданства и этнического происхождения. Можно предположить, что в отдалении от театра боевых действий, в «глубоко эшелонированной провинции», как обозначают Сибирь некоторые исследователи [17. С. 208], «образ врага» имел тенденцию к расширению, охватывая еще больший состав лиц.

Подозрения в адрес выходцев из Прибалтики можно считать необоснованными хотя бы потому, что для латышей и эстонцев были характерны антинемецкие настроения, которые возникли задолго до начала Первой мировой войны. Особенность этого региона заключалась в том, что он уже долгое время являлся арендой российско-германского культурного столкновения, на которой пришедшие элиты боролись за поддержку или лояльность местного населения. Традиционно в Прибалтике проживало довольно много немецких дворян, а при них – немецких крестьян. Отношения между ними и местным прибалтийским населением носили натянутый характер. Национально-религиозная политика российских властей в годы Первой мировой войны привела к еще большему обострению давно существовавших национальных противоречий. В отчете Евангелическо-Лютеранской Генеральной Консистории за 1913–1914 гг. сообщалось, что в прибалтийских губерниях «национальная ненависть ... достигла такой интенсивности, какой она не отличалась даже в революционном 1905 г. В тон этой ненависти вторит и вся националистическая эстонская и особенно латышская пресса без различия оттенков, листки, называющие себя консервативными, с не меньшей ненавистью, чем листки явно либерально-демократические. И ненависть эта порождает все большую и большую ложь в разнообразных ее формах, начиная с сравнительно невинных преувеличений или искажений вплоть до сознательной клеветы и злонамеренного доноса, и все это с единственной лишь целью навлечь подозрения на немцев как на ненадежный, будто бы нелояльный, враждебный правительству элемент и вытеснить их по возможности из страны, чтобы затем самим стать на их место и разделить между собой их угодия. В таком духе высказываются многие пасторы, и притом не только ... немецкого, но и латышского, и эстонского происхождения, от коих едва ли можно, казалось бы, ожидать какое-либо тенденциозное в этом отношении преувеличение» [12. Л. 338об.].

На основании рассмотренных сюжетов можно заключить, что ксенофобия в российском обществе в годы Первой мировой войны затронула целый ряд национальных меньшинств, проживающих на территории страны. В первую очередь это коснулось лиц, состоявших в подданстве вражеских России держав, и русско-подданных, имеющих немецкое происхождение. Под подозрение в нелояльности и враждебности попали и некоторые конфессии. Это привело к тому, что этнический состав «внутренних врагов» заметно расширился,

включив в себя эстонцев, латышей, лиц голландского происхождения и др. Причиной для подозрений могла стать любая, даже самая незначительная связь со странами, воюющими с Россией. Такое отношение со стороны властей и части общественности к этническим и конфессиональным меньшинствам неминуемо обостряло и без того напряженную обстановку в российском обществе. Недовольство, вызванное мерами властей по борьбе с «внутренними врагами», могло впоследствии стать одним из факторов, повлиявшим на самоопределение этнических сообществ во время революционных потрясений в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Новое время*. СПб., 1914.
2. *Русские ведомости*. М., 1914.
3. *Сибирская жизнь*. Томск, 1914.
4. *Гатагова Л.* «Хроника бесчинств». Немецкие погромы в Москве в 1915 г. // *Россия и Германия в XX в.*: в 3 т. Т. 1: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М., 2010.
5. *Российский государственный исторический архив* (РГИА). Ф. 1483. Оп. 1. Д. 1.
6. *Герман А.А., Илларионова Т.С., Плева И.Р.* История немцев России: учеб. пособие. М., 2005.
7. *Новое время*. СПб., 1915.
8. *Государственный архив Томской области* (ГАТО). Ф. 3. Оп. 13. Д. 2290.
9. *РГИА*. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1117.
10. *РГИА*. Д. 1016.
11. *Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А.* Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919. Томск, 1999.
12. *РГИА*. Ф. 821. Оп. 133. Д. 851.
13. *Сибирская жизнь*. 1915.
14. *РГИА*. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1082.
15. *РГИА*. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1072.
16. *Земщина*. СПб., 1915.
17. *Сверкунова Н.В.* Об особенностях культурного развития Сибири // *Регионология*. 1996. №1.